

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ЮЖНОРУССКИХ ПУШКАРЕЙ В XVII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕПОСТЕЙ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ)*

П. В. Попов

*Колледж Воронежского института высоких технологий,
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина*

Поступила в редакцию 25 августа 2022 г.

Аннотация: рассматриваются особенности государственного обеспечения и землевладения одной из групп служилого населения Юга России в XVII в. – пушкарей. Пушкари получали государственное жалование в различных формах: денежное и хлебное жалование, наделение землей под двор и различными сельскохозяйственными угодьями, кроме того, правительство выдавало разовые ссуды и жалование по различным экстраординарным поводам (засуха, гибель урожая и проч.). Но особенностью государственного обеспечения южнорусских пушкарей в XVII в. являлось то, что выдача жалования не была регулярной. Это объясняется финансовыми проблемами правительства. Автор приходит к выводу, что экономическое положение пушкарей было схоже с крестьянским, так как основной способ обеспечения их материального благосостояния – работа на земельном наделе силами своей семьи.

Ключевые слова: Россия, XVII в., южное пограничье, служилое население, пушкари.

Abstract: the features of state provision and land ownership of one of the groups of the service population of the South of Russia in the 17th century is considered – gunners. The gunners received state salaries in various forms: cash and grain salaries, allotment of land for a yard and various agricultural lands, in addition, the government issued one-time loans and salaries for various extraordinary reasons (drought, crop failure, etc.). But a feature of the state support of the South Russian gunners in the 17th century. was that the payment of salaries was not regular. This is due to the financial problems of the government. The author concludes that the economic situation of the gunners was similar to that of the peasants, since the main way to ensure their material well-being was to work on the land allotment with the forces of their family.

Key words: Russia, XVII century, southern borderland, military personnel, gunners.

Изучение истории России XVII в. невозможно представить без изучения региональной истории и такой важной ее составляющей, как история провинциального общества. В связи с этим нами были исследованы вопросы, связанные с государственным обеспечением и землевладением одной из служилых групп южнорусского населения – пушкарей. Пушкари в южнорусских городах являлись довольно немногочисленной группой служилых «приборных» людей, которые обслуживали артиллерию.

Как и другие служилые люди по прибору, пушкари получали государственное обеспечение в различных формах: при поступлении на службу правительство выделяло пушкарям земли под строительство дворов в городе [1, л. 209–210], выдавало денежное и хлебное жалование [2, л. 169–182], наделяло землей

для ведения хозяйства (включая различные угодья – пастбища, сенокосы, места для рыбной ловли, доступ к лесу и т. д.) [3, л. 77–78, 82–83], кроме того, правительство выдавало разовые ссуды и жалование по различным поводам.

Если говорить о жалованье «на дворовое строение и на селитьбу», то пушкари при поступлении на службу получали на эти цели денежное и хлебное жалование [4, л. 15, 30–31]. Например, в 1637 г. в Усерде и Яблонове пушкари получили по 5 рублей деньгами и по 2 четверти ржи (12 пудов; 192 кг) и по 3 четверти овса (18 пудов, 288 кг) [5, с. 311]. Эти размеры жалования, судя по всему, были примерно одинаковыми в разных южнорусских городах, так как точно такое же жалование получили пушкари в Хотмыжске в 1640 г. [6, с. 27–28]. Если сравнивать размер этого жалования с другими приборными служилыми людьми, то пушкари в этих городах получили столько же, сколько и стрельцы, и другие служилые люди пушкарского чина – кузнецы и воротники. Казаки, которые несли конную службу, получили больше.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина».

© Попов П. В., 2022

Ежегодное денежное жалование пушкарки получали из Пушкарского приказа обычно два раза в год – 25 сентября и 25 марта [5, с. 312]. Размер жалования варьировался от 2 до 4 рублей. В 1643 г. в Яблонове, Короче, Усерде, Чугуеве, Хотмышке, Вольном пушкарки получали денежного жалования 3,5 рубля в год [7, с. 141–142]. Следует отметить, что в городах на южной окраине денежное жалование пушкарей было довольно большим, так как самые привилегированные московские пушкарки получали 4,5 рубля жалования [5, с. 248].

Также к ежегодному жалованию относится и хлебное жалование. Его средний размер составлял 2–3 четверти ржи и овса. Иногда вместо хлеба могли выдаваться деньги. Так, служилые люди Хотмыжска (в том числе и пушкарки) в 1640 г. вместо хлебного жалования получили деньги, считая за четверть ржи 10 алтын, а за четверть овса по 2 гривны [6, с. 27–28].

Особенностью денежного и хлебного жалования являлось то, что его часто выдавали нерегулярно. Пушкарки, как и другие служилые люди, ежегодно просили о назначении и выделении этого жалования [8, л. 244, 249–269]. Не всегда оно приходило в полном объеме, а иногда и вовсе не выделялось [7, с. 141–142]. Причины этого видятся в том, что содержание служилых людей ложилось тяжким бременем на правительственную казну. Именно поэтому правительство наделяло приборных служилых людей землей и давало жалование на «дворовое строение и селитьбу». Как только служилые люди обустроивались на месте и распахивали пашню, выдача денежного и хлебного жалования становилась нерегулярной.

Однако не всегда регулярно выплачивая годовое жалование, правительство тем не менее не отказывало в различных экстраординарных и разовых выплатах и ссудах служилым людям [9, л. 16]. В 1630 г. на южной окраине случилась засуха и урожай погиб в целом ряде городов. Служилые люди просили правительство о ссуде. В Воронеже, Вольном, Карпове и Усерде пушкарки получили денежную ссуду размером в рубль. В Осколе в 1629 г. из-за пожара, который нанес большой урон городу и его жителям, пушкарки получили ссуду хлебом [7, с. 141–142]. Также правительство выдавало служилым людям разовое денежное или хлебное жалование «для службы» (когда служилые люди жаловались, что служить им «не с чего») [10, л. 61–62], для посылки по вестям [11, л. 753–754], «за полонное терпение» и ранения, за долгую службу [12, с. 176–180], за выполнение различных работ (например, строительство и ремонт крепостей) [1, л. 267–274], в случае разорительных вражеских набегов [13, л. 257–262].

Если же говорить о земельном жаловании, то пушкарки, как и другие приборные служилые люди,

получали земли под двор, пашню, сенные покосы, на выгон скота, рыбные и лесные угодья [7, с. 291].

Все эти земли давались пушкарям в общем наделе исходя из количества служилых людей в том или ином городе и размера их оклада. Земля в общих наделах распределялась между служилыми людьми самостоятельно. Часть земель давалась около города, а часть – вдалеке от него. Такое чересполосное владение было вызвано тем, что, с одной стороны, земли у служилых людей должно было быть достаточно для того, чтобы себя содержать, а для этого требуются достаточно большие земельные наделы и такие наделы нет возможности дать всем служилым людям около города, а с другой стороны, служилые люди должны были служить в городе службу, и правительство не хотело, чтобы они отлучались надолго из города обрабатывать свою землю.

Дальние «отхожие» земли или земли «в отъезде» обычно обрабатывались «наездом», т. е. сначала на них не было никаких хозяйственных построек и служилые люди приезжали на них только для работы, а собранный урожай увозили в город, где они постоянно и проживали. Однако постепенно на землях «в отъезде» хозяйственные постройки появлялись, так как служилые люди тяготели к большей части своих земель, ведь так их было удобнее обрабатывать. Поэтому служилые люди довольно часто отсутствовали в городе. Это сказывалось на обороноспособности города и не всегда устраивало правительство. Часто издавались указы, по которым служилые люди обязывались жить постоянно в городе.

Кроме того, служилым людям было достаточно трудно и опасно обрабатывать «отхожие» земли. Во время работ их могли застать врасплох и убить или взять в плен [там же, с. 70–72, 90]. В случае вестей об опасности вражеских набегов правительство издавало указы, согласно которым воеводы могли отпускать на пашню служилых людей, поделив на две группы: одна должна была работать, в то время как другая – стоять с оружием в карауле и охранять работающих [14, с. 193]. Однако эти указания практически всегда не выполнялись, несмотря на угрозу смертной казни за их нарушения.

Источником права на землю являлась служба пушкаря. Если пушкарь прекращал нести службу, то земля у него отбиралась. Тем не менее пушкарки, как и другие служилые люди, обладали на землю определенными правами: могли сдавать ее в аренду, передавать своим детям по наследству, в том случае, если дети продолжали нести службу отца, делиться землей с половинщиками и третичниками [12, с. 179]. Кроме того, если служилый человек погибал на службе или попадал в плен, то его жена и дети могли пользоваться земельным наделом [15, с. 164]. Например, в 1688 г. вдова усердского пушкаря обратилась к правитель-

ству с просьбой, чтобы ей разрешили владеть землей умершего мужа до совершеннолетия сыновей. Ее просьба была удовлетворена [16, с. 133].

Правительственная политика по отношению к землевладению пушкарей была двойственной. С одной стороны, как уже отмечалось, правительство часто давало достаточно большие земельные угодья служилым людям для того, что они себя содержали. В то же время правительство понимало, что в таком случае служилый человек был еще и земледельцем и оторвать его от этой земли, с работой на которой было прямо связано его благосостояние, было непросто. Это, в свою очередь, вредило службе. В последней четверти XVII в. правительство пыталось частично оторвать пушкарей от их хозяйства. Часто в документах встречаются указания: родственникам содержать пашню и хозяйство служилого человека в тот момент, пока он находится на службе [12, с. 178].

Размеры земельного владения пушкарей отличались в зависимости от города, в котором они несли службу. В Цареве Алексееве в 1649 г. под дворы пушкари получили по 48 квадратных сажень [7, с. 166] (1 сажень равняется 2,16 м [17, с. 140]), т. е. около 218,5 м². А в Хотмыжске в 1640 г. пушкари получили на дворовое строение по 98 сажень [6, с. 27–28] (416 м²).

Средний размер пашни колебался от 8 до 15 четвертей в одном поле («а в поле, а дву потому ж») [12, с. 179]. Это означает, что для того, чтобы узнать площадь полного надела, указанное в документах значение нужно умножить на три. Четверть – мера площади, равная половине десятины. Казенная десятина в XVII в. составляла 1,1 га [18, с. 485]. Следовательно, средний надел южнорусских пушкарей составлял от 13 до 25 га. В Воронеже [19, с. 21] и в Осколе в 1615 г. пушкари владели по 15 четвертей земли в одном поле. Хотя встречаются наделы и гораздо меньше, например, в Валуйках в том же 1615 г. пушкари в одном поле в среднем владели по 4,4 четверти земли [7, с. 85, 88].

Если говорить о возделываемых культурах, то сажали тогда в основном озимую рожь, яровую пшеницу и овес, немногие сажали гречиху, коноплю и просо [20, с. 34]. Средняя урожайность была невысокой. Так, в Ельце средняя урожайность на десятинной пашне (а именно эти данные по урожайности известны по документам [21, с. 266–279]) составляла: ржи – сам-2,2, а овса – сам-1,5. Но бывало так, что урожай был очень хорошим по меркам XVII в. В Белгороде в 1619 г. урожайность ржи составила сам-7 [там же, с. 266–272]. Также случались недороды, в том же Белгороде в 1629–1630 гг. даже не вернулись семена. Низкие урожаи отчасти можно объяснить тем, что в документах нет никаких упоминаний об использовании удобрений, даже навоза.

Из сельскохозяйственных орудий упоминаются сохи с палицами и без палиц и бороны. Есть также указания, что сошники к сохам бывали трех различных величин – «большой руки, средней и меньшей» [7, с. 223, 233, 225–226].

Периодически случалось так, что отведенная одной группе служилых людей земля захватывалась другой. В документах часто упоминаются земельные споры между различными служилыми группами южнорусского населения. Один из конфликтов произошел в Воронеже. При основании города были отведены земли под ямскую слободу, но самих ямщиков тогда еще в городе не было. Когда они появились в 1624 г., то оказалось, что отведенные ямщикам земли заняты воронежскими пушкарями, а также другими служилыми людьми и церковнослужителем. Ямщики пожаловались в Москву, и в марте 1625 г. в Воронеж была прислана грамота царя Михаила Федоровича, в которой приказывалось ямщикам земли вернуть и провести розыск о том, как они оказались заняты другими служилыми людьми [22, с. 2–4]. Подобные земельные споры происходили в Короче между пушкарями и черкасами в 1649–1652 гг. [23, л. 192–193, 196–200].

В рамках вопроса о землевладении пушкарей имеет смысл сказать и о трудовых ресурсах пушкарского двора. Эти данные можно почерпнуть из списков переселяемых на южную окраину служилых людей. По этим спискам можно рассмотреть группу переселенцев в Карпов в 1648 г. [6, с. 49–74]. Всего было переселено 297 семей (1137 человек). Из них было 9 семей орловских пушкарей (37 человек). Следует учитывать, что в переписных книгах карповских сведенцев указывались только лица мужского пола. Из 37 пушкарей женатых было 16, неженатых – 17. Есть сведения о возрасте 21 человека: от менее 1 года до 5 лет – 7 человек; 5–10 лет – 4 человека; 10–15 лет – 8 человек; 15–20 – 2 человека; 20 и более – нет. Среднее количество мужчин в пушкарской семье – 4,1 человека. Чтобы примерно определить общую среднюю численность пушкарской семьи, можно умножить мужское население на два. Получаем среднее количество человек в пушкарской семье – 8,2 человека. По средней полной численности семьи пушкари незначительно превосходили другие группы переселяемых служилых людей (детей боярских и стрельцов) – 7,8 человека. Также следует отметить, что кроме непосредственных членов семей у пушкарей могли проживать бобыли и захребетники. Например, в Воронеже в 1615 г. у 10 семей людей пушкарского чина (пушкарей, затинщиков, кузнеца и воротников) проживало 11 человек бобылей и захребетников [24, с. 5].

Если говорить об обеспеченности скотом, то у пушкарей в среднем на семью было 2,4 лошади;

0,6 коровы; 0,2 овцы; 0,3 свиньи. По одной лошади имело 3 семьи; по 2–3 лошади – 4 семьи; по 4–5 – 2 семьи; 6 и более не имел никто. Это был самый низкий показатель обеспеченности скотом из этой группы переселенцев. В среднем скота у всех русских поселенцев было: лошадей – 3,6; коров – 1,8; овец – 5,4; свиней – 5,8.

Анализируя эти данные, следует иметь в виду, что такой уровень благосостояния имели не все южнорусские пушкарки, ведь правительство требовало выбирать в сведенцы «добрых и прожиточных» [25, л. 177–179, 358]. Скорее всего, они такими и являлись в данном случае, так как часто в документах есть указания на низкий уровень благосостояния служилых людей на южной окраине («бедны, пеши и безконны»). Такую характеристику часто встречаем даже по отношению к детям боярским, уровень благосостояния которых часто был выше большинства «приборных» служилых людей. Кроме того, даже относительно благополучные в материальном плане служилые люди, в том числе пушкарки, могли потерять скот, посеы и другое имущество вследствие татарских набегов, засухи или заморозков, нашествия насекомых-вредителей (например, саранчи), болезней людей, падежа скота и т. д. [7, с. 211].

Таким образом, служилые люди пушкарского чина получали государственное жалованье в различных формах: денежное и хлебное жалованье, наделение земель под двор и различными сельскохозяйственными угодьями, кроме того, правительство выдавало разовые ссуды и жалованье по различным поводам. Особенностью государственного обеспечения служилых людей пушкарского чина на южнорусской окраине являлось то, что выдача денежного и хлебного жалованья не была регулярной. Это было вызвано финансовыми проблемами правительства. Правительство старалось наделить служилых людей землей в объеме, достаточном для того, чтобы они сами себя содержали, работая на ней. Анализируя размер землевладения, трудовые ресурсы и обеспеченность скотом, следует отметить, что благосостояние основной массы служилых людей пушкарского чина было примерно таким же, как и у остальных приборных служилых людей. В целом хозяйство приборных служилых людей приближалось по своему характеру к крестьянскому, так как основной способ обеспечения их материального благосостояния – работа на земельном наделе силами своей семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 328.
2. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 59.
3. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 192.
4. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 317.
5. Волков В. А. Войны и войска Московского государства / В. А. Волков. – М., 2004.
6. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний : в 2 т. / сост. Д. И. Багалея. – Харьков, 1890. – Т. II.
7. Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. / И. Н. Миклашевский. – М., 1894.
8. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 92.
9. Государственный архив Воронежской области. – Ф. И-182. – Оп. 4. – Д. 3.
10. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 310.
11. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 1045.
12. Левыкин А. К. Русские городовые пушкарки второй половины XVII века / А. К. Левыкин // Вопросы истории. – 1985. – № 3.
13. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 920.
14. Акты Московского государства : в 3 т. Том II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 гг. / под ред. Н. А. Попова. – СПб., 1894.
15. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. I.
16. Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины, XVII–XVIII вв. / А. Г. Слюсарский. – Харьков, 1964.
17. Пилецкий А. Мерило древнерусского зодчего / А. Пилецкий // Наука и жизнь. – 1980. – № 11.
18. Дмитриева З. В. Метрология / З. В. Дмитриева // Специальные исторические дисциплины : учеб. пособие. – СПб., 2003.
19. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний : в 2 т. Воронежские писцовые книги / [вступ. ст.: Л. Вейнберг, А. Полторацкая]. – Воронеж, 1891. – Т. II.
20. Загорский В. П. Белгородская черта / В. П. Загорский. – Воронеж, 1968.
21. Документы по десятинной пашне Ельца опубликованы И. Н. Миклашевским : приложение 1–3 // Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. / И. Н. Миклашевский. – М., 1894.
22. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова : в 3 кн. / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. – Воронеж, 1852. – Кн. 2.
23. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 274.

24. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний : в 2 т. Воронежские акты / [вступ. ст.: Л. Вейнберг, А. Полторацкая]. – Воронеж, 1887. – Т. I.

Колледж Воронежского института высоких технологий, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

*Попов П. В., преподаватель
E-mail: popov.pavel.94@mail.ru*

25. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 304.

*College of the Voronezh Institute of High Technologies,
Yelets State University named after I. A. Bunin*

*Popov P. V., Lecturer
E-mail: popov.pavel.94@mail.ru*